

Анатолий Рубцов ЦАРИ

*Внуку Андрею,
дочери Анне, ее мужу
Ярославу и моей жене
Маргарите посвящаю.*

*«... в поте лица
твоего будешь есть
хлеб, доколе не
возвратишься в землю,
из которой ты взят, ибо
прах ты и в прах
возвратишься».*

Бытие: 3:17–19

*«Но одевающиеся
пышно и роскошно
живущие находятся при
дворах царских».*

Лк. 7:25

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Итак, Арей остался один: единственный бессмертный на Земле. Вначале он не чувствовал того, что у людей называется одиночеством. Он давно привык работать в одиночку, подолгу отсутствовать на ОЛИМПе, а потому, не пылая большой любовью к своим соплеменникам, и теперь долго не испытывал ощутимой потери, лишившись самой возможности общения с ними.

Полный радостной надежды, он вернулся в Рим, торопясь на основе недавно обретенных принципов любви и веры возобновить работу на полигоне. Но какая может быть работа при абсолютном отсутствии источников энергии? Его финансовые источники были по-прежнему надежны, торговля хлебом в Риме процветала, объемы операций росли в геометрической прогрессии, но — что деньги? — разве можно было получить хоть квант энергетического поля, хоть эфемерный атом энергетического облака за все богатства, что, будто в насмешку, полноводным потоком текли на его счета. Лишенный энергии Арей полностью потерял контроль над полигоном, и тут все пошло наперекосяк: прежде всего проявил себя Калигула, которого вначале боготворили все, но, спустя недолгое время, зарезала собственная охрана — преторианцы, а следующий император,

Клавдий, прославший при жизни идиотом, по смерти был признан мудрым и справедливым и наделен за это соответствующим титулом — «божественный», в то время как последний из Цезарей — Нерон, что последовал за Клавдием, — зарезал себя сам, дабы не попасть в руки своих богобоязненных сограждан, спешивших свести с ним счеты. Все это казалось настолько безобразным, нелогичным, настолько не вязалось с прекраснодушными планами Арея относительно внедрения принципов любви и веры на полигоне, что он впервые пожалел о своем решении остаться на Земле. А пожалев, затосковал и взвыл-таки от одиночества. Пребывая как-то в сильнейшем приступе меланхолии, он перебирал безделушки, за время работы в Риме в избытке накопившиеся в его просторном «домусе», и вдруг наткнулся на вещицу, о назначении и истории появления которой не сразу вспомнил. Небольшая панель с несколькими кнопками... пульт управления, кажется... чем только?... с тремя буквами на задней поверхности: Э, А, К... — ах, да, конечно: Эак, царь Эгины, отец Пелея, — одна из его самоделок, ключ, который он подарил Арею, когда тот покидал АИД... И тогда Арей вспомнил...

«Мне будет не хватать тебя, — сказал Эак, прощаясь. — Ведь все-таки по отцу мы братья. — Он грустно усмехнулся. — А главное, ты друг

Прометей. Это для меня значит еще больше. Послушай... — он вопросительно взглянул в глаза Арею. — Послушай, ты не мог бы иногда навещать меня... Здесь так не хватает свежих лиц... Новостей... Особенно если будет что-то о Прометее...» — «Сюда не так-то просто попасть», — заколебался Арей, вспомнив Харона, Кибера и мрачные коридоры АИДа. — «Знаю, — кивнул Эак, — погоди-ка. — Он наклонился и начал что-то искать во внутренностях своего стола, где, похоже, порядка было еще меньше, чем на его поверхности. — Вот ключ, — довольно проговорил Эак, протягивая Арею тот самый пульт. — Я его сделал когда-то для Прометей, а вот отдать так и не успел. Будет возможность, отдай ты... Работает он очень просто: нажмешь на эту кнопку — попадешь сюда; нажмешь на эту... Впрочем, на эту не нажимай: может нарушиться точность настройки на мою лабораторию. А это — ручка настройки. Но настраивать лучше не пробуй. Это сложно... Ну вот, а нажмешь сюда — и возвратишься обратно. Проще не бывает, правда?» — «А что же ты сам?» — удивился Арей. — «Я... — Эак с сожалением развел руками: — Иногда мы выходим на Землю, но только ночью... Люди нас боятся, а солнце мгновенно убивает. Да и ночью происходит невозобновляемая потеря энергии... Таково устройство АИДа...» — виновато закончил царь

Эгины.

Арей заинтересованно покрутил пульт в руках. «Да нет, не было у меня возможности отдать его Прометею», — пробормотал он, успокаивая собственную совесть. Арей не без труда открыл крышку — отвертки среди безделушек в его доме не числилось, поскольку подобного инструмента на Земле еще не существовало, — придвинул поближе лампу и надолго задумался, стараясь понять принцип работы «ключа». «Хитро! — в конце концов заключил он. — И так просто!» Это был миниатюрный пространственный конвертор. С его помощью можно было, пронзив напрямик пространства, попасть, например, в тридцатое измерение, где, собственно, и располагался АИД, куда, иначе, вела длинная дорога через пещеру, переправу Харона и пространственный туннель под охраной Кибера, — путь, который Арей без содействия Гермеса никогда бы не смог преодолеть.

Подумав еще немного, он решительно нажал на ту кнопку, пользоваться которой Эак ему не рекомендовал, и тотчас, чуть ли не одновременно, вдавил в панель кнопку возврата. Вначале ему показалось, что ничего не произошло, — просто осталось впечатление вспышки света, — но постепенно, как бывает, если закрыть глаза, взглянув на ярко освещенный предмет, проявилось изображение, и Арей понял, что побывал ТАМ.

Вечернее солнце, все еще проникающее в атрий¹, в глубину таблиния, где он сидел, уже почти не попадало, а потому увиденный на мгновение дневной свет показался ему особенно ярким. Он закрыл глаза и тогда отчетливо увидел Эдем.

Изображение походило качеством на неудачную черно-белую фотографию, и все же Арей не сомневался, что побывал в Эдеме. Он видел густой, запущенный сад, каких-то животных, будто заснувших в его глубинах, черные силуэты птиц, с раскинутыми крыльями застывших в слепяще-белом небе. Все это, уже постепенно ускользающее, уже сворачивающееся в белое пятно, было захватывающе красиво, но таких пейзажей на Земле хватало, и не внезапно увиденная красота оставляла абсолютную уверенность, что это был Эдем, — нет: одновременно с видением его заполнило ощущение небывалого покоя и гармонии со всем миром, дававшее чувство абсолютной внутренней, а не внешней красоты, что и внушало полную

¹ Центральное помещение римского дома со световым отверстием в потолке. К атрию примыкают триклиний (столовая) и таблиний (гостиная).

уверенность пребывания в том самом Эдеме, о котором рассказывал Прометей.

Чувство погружения в прекрасное было настолько сильным, что, открыв глаза, Арей ощутил острое сожаление, что не остался в Эдеме. Но как еще можно было проверить, работает ли кнопка возврата? Основное правило ведения военных действий — первым делом обеспечить путь отступления. Хорош он был бы, оказавшись в АИДе и убедившись вдруг, что кнопка не работает: если уж выбирать, где оставаться из-за отказа техники, то лучше, конечно, в Эдеме, резонно рассудил Арей.

Однако кнопка работала исправно, и теперь можно было отправляться в АИД, но Арей медлил. Он понимал, что ничего и никого не найдет там: всех эвакуировали, и все мало-мальски ценное вывезено, но все же... все же: а вдруг там можно будет хотя бы зарядить свой блок питания?

* * *

Ну конечно, из АИДа все вывезли, да и самого АИДа не осталось: свернули в одномерные катушки длинные коридоры, спрессовали в тончайшие двумерные листы гулкие кубокилометры бесчисленных помещений, свалили в безмерные нуль-пространственные мешки все оборудование,

что тысячи лет выписывалось дотошными учеными и поставлялось из метрополии, — все это загрузили на несколько старых грузовиков и вывезли к Солнцу, где они — вместе с содержимым трюмов — и сгорели бесследно в бушующих протуберанцах молодой звезды... в общем, ничего здесь не осталось, было только серое ничего, о котором нечего было и сказать-то, кроме странной фразы, возникшей вдруг в голове Арея: «Пришел туда — не знаю куда, добыть то — не знаю что». Впрочем, какая-то поверхность под ногами все же была — он чувствовал ее, — хотя разглядеть не мог, так как мешала мгла, — не тьма даже, а серое ничего, как зыбкая кисея висящая перед глазами. Но раз была поверхность, значит, имелась и какая-то структура, пространство, пусть даже тридцатого измерения, но все-таки пространство со свойственными ему закономерностями, а тогда, может, они не все вывезли, что-то оставили, с надеждой подумал Арей, — оставили, потому что забыли, как это обычно бывает, когда собираются многие, надеясь друг на друга, или потому, что предпочли бросить, чтобы не тащить вдаль ненужный, неудобный груз. И еще он различил звук — едва слышимый, бесконечно далекий, нескончаемый стон, — который еле перекрывал естественный шум в ушах, создаваемый током ихора в собственном теле. Он стал медленно перемещаться в сторону источника

звука, то и дело останавливаясь, чтобы проверить правильность выбранного направления, и наконец заметил слабый огонек, начавший постепенно увеличиваться по мере приближения к нему, пока не превратился в приоткрытую дверь из-за которой и струился неяркий свет. Стен не было, но дверь существовала, и Арей заглянул в нее.

Это оказалось довольно большое помещение со стенами — да, да, внутренние стены имелись! — одну из которых занимали неплотно закрытые тяжелые ворота, тускло поблескивающие золотыми листами покрытия. На каждой створке ворот было выпукло выбито по три чеканные буквы: Т, А, Р — черная щель, как след излома цельной плоскости, то ли разделяла два одинаковых, коротких, немых словца «тар», то ли разрывала одно, в два раза длиннее, угрожающе рычащее слово «тартар». Из щели ощутимо дуло, именно оттуда доносился стон. Но это было не все: в центре комнаты, подогнув в воздухе ноги и повиснув невысоко над полом, расположились, будто на стульях, три короткостриженных мощных молодчика в черном. Глаза их были полуприкрыты, позы хоть и разные, но одинаково расслабленные, а выражения лиц — наоборот, напряженные, какие бывают у тех, кто ожидает приема у зубного врача, у судьи или у хирурга. (Следует сказать, что ни один бессмертный не избежал зубной боли. Их зубы

были устроены так же, как у людей, и потому, неизбежно изнашиваясь за первую сотню лет, они рано или поздно превращали всех бессмертных в мучеников стоматологии, до тех пор пока любители нектара и амброзии полностью не лишались собственных зубов и, счастливые наконец, не становились обладателями зубов искусственных.) Они не спали, но и не бодрствовали, хотя можно сказать и по-другому: они не были включены, но их и не отключили, они находились в режиме ожидания — а зависело это от того, кем они являлись, бессмертными или роботами, и Арей это выяснил, как только вошел в дверь. Они, эти молодчики, мгновенно включились, задвигались, заполнили собой все помещение, перемещаясь на упругих ногах, резко вскидывая их перед лицом Арея, рубя воздух отточенными движениями рук, которых, казалось, у каждого стало по сотне как минимум. Ну да, это же непобедимые бойцы и непревзойденные строители, как говорится, мастера на все руки, легендарные гекатонхейры², сообразил Арей и тут же замер, застыл в неподвижности, зная,

² «Сторукие». Трое сыновей Урана, предка богов, бога неба, и Геи, праматери и прабожества, богини Земли. Сторукие гиганты. Помогли Зевсу в борьбе с титанами и сторожили их в Тартаре после победы Зевса.

что с этими парнями шутки плохи, что, раз уж он вошел с ними в контакт, надо проявить максимальную осторожность, дабы не случилось беды. Действительно, гекатонхейры могли манипулировать сотней своих рук разного предназначения и, соответственно, делать сотню всяческих дел одновременно. Их руки, с различным количеством суставов, всевозможной длины и формы, по мере необходимости появлявшиеся и исчезающие на любом из участков тела, способны были отражать натиск до зубов вооруженного врага и в то же самое время совершенно спокойно укачивать ребенка, возводить стены жилища, играть на кифаре³, готовить обед из десятка блюд, постригать газон, ремонтировать сверхсложный прибор и так далее и тому подобное — короче, они могли все. Арей видел гекатонхейров в действии, когда они возводили капитальные сооружения ОЛИМПа. Вначале этот нелегкий труд выполняли титаны, но Дий забраковал их работу — как уже говорилось, весьма непрофессиональную — и заменил гекатонхейрами, а титанов отправил под землю, на строительство АИДа. Впрочем, и под землей титаны не проявили себя с лучшей стороны,

³ Струнный щипковый музыкальный инструмент.

на помощь им бросили гигантов⁴, но те оказались не в состоянии в достаточной мере увеличить скорость прокладки и качество отделки штреков, так что и тут в конце концов без гекатонхейров не обошлось.

Между тем гекатонхейры прекратили суесться, один из них приблизился к Арею и стрельнул ему в глаз коротким лучом света: идентифицирует, понял Арей и тут же получил подтверждение своей догадки — его опознали.

Гекатонхейры остановили свой неистовый танец, склонили головы в учтивом поклоне:

— Здравствуй, Арей, — сказал приблизившийся. — Ты из верховных, поэтому имеешь право доступа в Тартар. И все же, позволь узнать, какова цель твоего прихода?

— Скажем так: ознакомительная, — подумав секунду, ответил Арей.

— Что ж, мы к твоим услугам. Я — Бриарей, он — Гий, это — Котт. Мы киборги⁵, что, вероятно,

⁴ Сыновья Геи, которых она родила, чтобы отомстить Зевсу за судьбу титанов. Олимпийцы победили гигантов благодаря Гераклу.

⁵ Киборг — «кибернетический организм», человекоподобный робот.

тебе известно. Наша задача — охранять Тартар и исследовать его обитателей.

— Что значит Тартар? Это отделение Аида?

— ТАРТАР — это Тайное агентство разрядки трансцендентной агрессивности разума, — с расстановкой произнес Бриарей. — И разумеется, это отделение АИДа. Однако тайное.

— Ого, — уважительно сказал Арей. — Звучит солидно. Но, к сожалению, непонятно. — Он усмехнулся, так как почувствовал, что, следуя манере робота, начал изъясняться несколько высокопарно.

— Что ж непонятного? Разум вообще непознаваем, а уж познать причины агрессивности разума, когда, казалось бы, по определению он должен нести исключительно добро, — нет, познать причины агрессивности разума, скажу я тебе, дело безнадежное. Потому мы и называем эту агрессивность трансцендентной. — Возможно, заметив насмешку Арея, робот начал изъясняться в другой, более свободной, манере.

— А вот то и непонятно, что вы агрессивность разума определяете как трансцендентное свойство. Возможно, стоит отнести к агрессивности как к имманентно присущему качеству разума, и тогда все встанет на свои места и вам легче будет изучать ее причины. Не зря ведь земные философы называют разум своим оружием. Вспомни историю

Земли — и ты поймешь: чем разумней становился человек, тем изощренней он был в своей агрессивности. У нас, у бессмертных, это не так лишь потому, что мы боимся смерти. Страх смерти тормозит нашу агрессивность, но не разум.

— Ну... существует и такой подход. Только им занимается не Тартар, — Бриарей оглянулся на своих товарищей, которые, похоже, потеряли всяческий интерес к их научному диспуту и опять отключился, расслабленно повиснув в воздухе. — Вы на своем Олимпе привыкли философствовать; мы же тут, в Тартаре, заняты конкретным делом, нам рассуждать некогда — нам план гнать надо.

Арей понял, что гекатонхейры в Тартаре лишь исполняли роль искусных подмастерьев, техников, и все, что говорил «сторукий», воспроизводилось с чужих слов, не им самим придумывалось.

— Ну и что ж не гоните? Почему отдыхаете в рабочее время? — не скрывая насмешки, спросил он.

— Мы не отдыхаем. На дежурстве мы. На пост номер один заступили, — с обидой в голосе ответил Бриарей.

— Это и есть «пост номер один»? — полюбопытствовал Арей, оглядывая помещение. — Что ж тут такого?

— Тут главный вход в Тартар и единственный выход из него, — гордо ответил Бриарей, указывая

на зловеще поблескивающие ворота. — Наша задача — охранять выход.

Аррей с любопытством заглянул в щель между створками ворот, из которой продолжал доноситься стон, но ничего там не увидев, кроме все той же серой кисеи, спросил о том, что его давно занимало:

— Кто же там стонет так? Это от него вы охраняете выход?

— Да. Это Ехидна⁶, — неохотно пояснил Бриарей. — Рожает очередного монстра.

— Что, много их, монстров этих?

— Да уж достаточно. А она плодит все новых. Вот и охраняй выход день и ночь, да за те же деньги кстати. Ну посуди сам: Химера, Кербер, Гидра, Ортр⁷ — казалось бы, хватит, для исследований достаточно. Да что там говорить, и одного Тифона⁸

⁶ Кровожадное чудовище, полуженщина, полужмея, дочь Тартара и Геи. Согласно некоторых мифов — мать Скифа, родоначальника скифов.

⁷ Химера — трехголовое огнедышащее чудовище с передней частью льва, туловищем козы и хвостом дракона; Лернейская гидра — стоголовый дракон; Ортр — страшный двухголовый пес.

⁸ Сын Геи и Тартара, чудовище с сотней драконьих голов. Восстал против Зевса, но был побежден и низвергнут в Тартар.

с лихвой хватило бы, а тут... блядь, заповедник целый, — в сердцах пожаловался киборг.

Аррей знал, что киборги имеют примитивную нервную систему, наделяющую их способностью к самосохранению, но не позволяющую им испытывать чувства более сложные, чем боязнь небытия, — зато умение копировать выражение чувств бессмертных у них было на высочайшем уровне. И еще он знал, что умение лгать у киборгов отсутствовало полностью.

— А что, руководство никогда не объясняло вам цель создания всех этих тварей? Для чего они так плодятся? — спросил он.

— Почему же? Объясняло... Но по-моему, Тартар⁹ и Гея потеряли контроль над их воспроизводством, — подумав немного, ответил Бриарей. — Вот смотри: Тифон был создан в качестве агента разрядки агрессивности человеческого разума. Принцип его действия очень прост. Тифон напичкан сведениями из области психики и социальной психологии. Он точно определяет объекты, имеющие наибольшую

⁹ Согласно Теогонии Гесиода, Тартар возник вслед за Хаосом и Геей. Согласно других авторов, Тартар был сыном Эфира и Геи.

ценность как для конкретного человека, так и для сообществ людей. Обладая широким набором неизвестных человеку способов информационного воздействия на разум, он создает убедительное впечатление угрозы этим объектам и возбуждает ответную агрессивность людей. Для полноты картины все это может сопровождаться искусственно созданными апокалиптическими природными явлениями: землетрясениями, ураганами, наводнениями, эпидемиями...

— Погоди. Как ты сказал: а... по... ка...?

Киборг немедленно покраснел:

— Кажется, я увлекся... Это наш внутренний термин, означающий ужасающие последствия. Пока еще он не в ходу на Земле... Короче, Тифон является воплощением абсолютного зла, и человек, его разум, пытаясь бороться с Тифоном, разряжает тем самым собственную агрессивность. Вот в чем была задумка, насколько я понимаю. Но Гее этого показалось мало, и она с помощью Тартара создала Ехидну. Ее задача — разряжать агрессивность мужчин по отношению к женщинам...

— И действует она по тому же принципу, что и Тифон, — не без доли иронии подсказал Арей: — Определяет наиболее ценные для мужчин объекты и...

Бриарей виновато развел руками:

— Точно. Не все одобряли создание Ехидны.

С тех пор образ земной женщины в глазах мужчин прочно связался с образом змеи, а наиболее характерными ее качествами по мнению многих из них явились вероломство, хитрость, изворотливость.

— Странно только, что, по моему мнению, и наши бессмертные женщины наделены теми же качествами, — хмыкнул Арей.

— Тебе лучше знать, — резонно рассудил робот. — Так вот, — продолжил он, — естественно, у этой парочки появились дети. Можешь себе представить, какие у них были задатки и во что при таких родителях удалось их развить. Например, Кербер, ненавидящий все живое, — копия отца, Тифона. Но если Тифона создавали как средство усовершенствования человека, то Кербер является средством его наиболее эффективного уничтожения. Хорошо, что нам удалось изолировать пса, приспособив его под видом Кибера для охраны АИДа. Потом появилась Гидра... Это — копия матери и аналог Кербера, только женского пола. Регенерация голов, высокая вооруженность, в том числе плазменными пушками, и способность летать делает ее самым изощренным из созданий, предназначенных для убийства... Появление Кербера и Гидры поставило перед всеми нами, сотрудниками ТАРТАРа, вопрос: почему желание усовершенствования человека

привело к созданию средств его уничтожения? На мой взгляд, это произошло потому, что взаимная конкуренция между новыми руководителями проекта, Тифоном и Ехидной, привела к началу безумной гонки по разработке новых чудищ, способности которых зачастую были непрогнозируемыми. Именно тогда нас засекретили, и эту гонку самым непосредственным образом возглавило руководство. Тифон, явно уязвленный успехами супруги, решил усовершенствовать Кербера и создал Ортра, в двух головах которого ненависти ко всему существу было во много раз больше, чем в сотне голов Кербера. Ортр сразу доказал свою невероятную кровожадность, тут же набросившись на мать. Ехидна ответила Тифону появлением Немейского льва¹⁰, отцом которого многие называют Ортра, так как, лев, по сути, стал дальнейшим усовершенствованием пса за счет повышения мощности, вооруженности и живучести. Но самым значительным творением Ехидны, безусловно, стала Химера, вобравшая в себя все достижения этого необычного состязания. Она объединила в

¹⁰ Огромных размеров хищник, опустошавший Немейскую долину. Его шкура была непробиваема для стрел. Геракл задушил льва, а шкуру стал носить в качестве плаща.

себе мощь и бесстрашие льва — своего отца, как утверждают некоторые, — огневую вооруженность дракона, хитрость Ехидны и упрямство горной козы — хотя, причем здесь коза, никто до сих пор не понял. Кроме того, она вооружена способностью Тифона создавать перед противником ложные цели, что заставляет его бороться с ними, а не с реальной угрозой — и это ее самое страшное оружие, названное нами психотропным. Теперь за дело принялась Химера. Ее совместным со своим братом Ортром творением, стал совершенно оригинальный проект Сфинкса¹¹. В отличие от неразборчивых, всеядных псов, убивающих все живое, целью Сфинкса стали исключительно люди. Во избежание ошибки он идентифицирует их с помощью логической задачи, которую требуется решить очередной жертве. Убедившись, что перед ним действительно человек — ибо только люди благодаря своему специфическому мышлению способны решить эту задачу, — Сфинкс аккуратно убивает его, не разрушая при этом земной инфраструктуры.

— Прямо как нейтронная бомба! — восхитился Арей и тут же нахмурил лоб: — А

¹¹ Крылатое чудовище с головой и грудью женщины и телом льва. Пожирало всех, кто не мог отгадать его загадку.

интересно, что за задачку-то он загадывает?

— Сказать, что ли? — переспросил Бриарей.

— Скажи... Только не убивай, если не решу...

Бриарей хитро улыбнулся:

— Кто ходит сперва на четырех ногах, потом на двух, а затем на трех? — медленно проговорил он.

Подумав немного, Арей раздраженно пожал плечами:

— Похоже, эта загадка мне тоже не по силам, — признался он.

— Не расстраивайся, ты ведь не человек. У нас ее тоже никто так и не разгадал, — великодушно сообщил робот.

— Ладно, оставим загадки сфинксам, — махнул рукой Арей. — Скажи лучше, что будет дальше, если не остановить это неконтролируемое воспроизводство?

— Мы трое их тут не удержим, — насунился Бриарей. — Тут вот в чем дело... Наши творения уже были на Земле и уничтожили динозавров. Мы ведь появились раньше АИДа. Тогда еще никаких душ не было. Была только флора и фауна. И мы занимались моделированием различных форм жизни. Однажды кто-то высказал гипотезу, что наиболее устойчивыми формами являются самые агрессивные. Вот мы и создали несколько таких форм и выпустили на Землю для проверки

гипотезы. А динозавры в то время были доминирующей популяцией млекопитающих... Боюсь, если наши творения вновь окажутся на Земле, они уничтожат человека.

Арей задумался.

— А можно ли этого избежать? — спросил он.

— Теоретически можно. Нужно только поставить нам соответствующую задачу и дать команду на ее выполнение.

— И кто это должен сделать?

— Известно кто: начальство, — удивился Бриарей.

— В том-то и вся загвоздка: нет здесь больше вашего начальства.

— Как это нет? А куда ж оно делось?

— Вот как! Значит, вы этого не знаете... — озадаченно присвистнул Арей: — Экспедицию свернули. Всех отправили на Этерну. А раз вам этого не известно, значит, вас тут сознательно бросили.

— Бляха-муха! — потрясенно произнес киборг и отключился, вероятно, чтобы не перегореть.

— Да, да, вас не забыли, а бросили. Потому что забыть про всех ваших монстров совершенно невозможно. Вас и бросили-то из-за них. Просто никому не хотелось с ними связываться — вот вас и бросили.

— А что же ты? Тебя тоже бросили? — «включился» наконец робот.

— Ну нет, меня не бросили. — Арей помолчал. — Меня оставили... как полномочного представителя бессмертных... Оставили с моего согласия, — убежденно продолжил Арей. — Оставили, чтобы я осуществлял мониторинг последствий нашего пребывания здесь. И значит, теперь я — ваше начальство. — Арей блефовал, но не сильно, ибо, по сути дела, говорил правду. Роботы не могут быть предоставлены сами себе. Ими должен руководить бессмертный — мудрый, всепонимающий бессмертный, — роботы и сами это прекрасно знали.

Гий и Котт с глухим стуком, как перезрелые яблоки от порыва ветра, упали на пол. Все трое закружили вихрем, заговорили на ультразвуковой скорости, недоступной уху, — не оттого что пытались что-либо скрыть от Арея, а потому, что спешили обменяться впечатлениями от поступившей информации.

Черту под недолгими дебатами подвел Бриарей:

— Документ имеется? — официальным тоном спросил он, едва вихрь и свист прекратились.

Арей удивленно приподнял брови.

— Документ, подтверждающий все сказанное. И про сворачивание экспедиции, и про твои

полномочия...

— Какой документ? Вы и так должны подчиняться бессмертному, — возмутился Арей.

— Только если наше руководство отсутствует, а ты — единственный из бессмертных на Земле, — спокойно возразил Бриарей. — Если у тебя нет документа, мы сами сможем удостовериться в отсутствии бессмертных, но это займет время. Пойми, мы и так очень заняты.

— Я вижу: спите все время, — недовольно пробурчал Арей.

— Ты не должен злиться на нас. Мы просто выполняем свою работу, — примирительно произнес робот. Его друзья одобряюще закивали.

Арею стало смешно:

— Ладно, удостоверьтесь... Только на вашем месте я бы все равно чем-то занимался, а не спал. Построили б что-нибудь вместо разобранных помещений... Что-нибудь красивое... Чтобы не стыдно перед людьми было. Нам с ними теперь сосуществовать придется. Больше не с кем... Они-то вон дворцы строят. А тут у вас — тьма одна... Как в гробу, — фыркнул он и вдруг вспомнил: — Вот что еще: подзарядиться мне надо. Аккумулятор совершенно сел. Как без рук теперь. А уж я вас за это тоже как-нибудь отблагодарю, — по привычке, будто общаясь с людьми, пообещал он.



Случилось так, что Арей закружился в бурном потоке дел, неожиданно обрушившимся на него в Риме, и почти забыл о Тартаре, киборгах и чудовищах, несмотря на собственное высказывание о том, что забыть их невозможно. Он и совсем забыл бы, если б не чувство еле ощутимой тревоги непонятого происхождения, иногда дававшее о себе знать в редкие минуты отдыха днем и всегда остро донимавшее ночью, когда, проснувшись вдруг, он пытался вновь погрузиться в сон, а оно, это чувство, как назойливая муха мешало ему вернуться в «объятия Морфея». Да и как тут не закружиться, не забыть, если рушилось налаженное устройство мира, им, Ареем, по привычке называемое полигоном, а всеми остальными — Римской империей? Как не забыть обо всем другом, если созданная им империя разваливалась — Арей ясно понимал это, — а он ничего не мог сделать, чтобы избежать надвигающейся катастрофы, потому что не понимал ее причин. Для понимания этого ему не хватало информации и приличного вычислителя — чтобы проанализировать происходящее. Внешне все выглядело так: очевидным источником разрушительных процессов

стали варвары ¹², первыми из которых следует упомянуть о германцах...

...В первом веке до нашей эры галльские войны Юлия Цезаря вывели из неизвестности многочисленные воинственные племена германских варваров. С тех пор не один триумф ¹³ был организован по поводу побед над ними, и не меньше битв было проиграно непокорным северным соседям. С германцами успешно торговали, а бывало, использовали как союзников в войнах с другими варварами. При Тиберии Германия вплоть до Эльбы оказалась под сенью римских орлов ¹⁴, а ее вожди слали римским полководцам подарки и заверения в вечной дружбе.

¹² Так в Римской империи называли жившие за ее пределами племена и народы, которые не знали латинского языка и были чужды римской культуре. Наиболее значительными этническими группами варваров, соприкасавшихся с империей, были кельты, германцы и славяне.

¹³ Торжество в честь полководца-победителя в сражении, где было уничтожено не менее 5000 врагов.

¹⁴ Изображения, венчавшие знамена римских легионов. В римской армии не было большего позора, чем утеря «орла». Такой легион расформировывался.

И тогда же легионы Вара попали в засаду в Тевтобургском лесу, потеряв знамена и большую часть воинов. Защищая свои границы от воинственных соседей, империя была вынуждена возвести верхнегерманский и рецийский лимесы — грандиозную систему оборонительных валов, рвов, сторожевых башен, палисадов ¹⁵ и кастелл ¹⁶. Вместе с тем на границе процветала обоюдовыгодная торговля: германцы покупали у римлян изделия из бронзы, стекла, оружие, орудия труда; римляне вывозили из Германии рабов, скот, янтарь, кожи, меха, растительные красители. Однако германцы жили крайне бедно, селились редкими, затерянными среди лесов деревнями, городских поселений у них не было. Они ставили деревянные, обмазанные глиной, длиной несколько десятков метров строения, большая часть помещений в которых отводилась для домашнего скота. Земледелие ими только осваивалось, урожайность была низкой, питаться часто

¹⁵ Частокол. В бедных лесом областях солдаты должны были носить с собой, кроме своего снаряжения, до семи жердей для сооружения палисада.

¹⁶ Небольшое фортификационное сооружение в пограничных укрепленных пунктах, предназначенное для когорт и ал.

приходилось лишь «дарами леса». При такой бедности алеманны, тюринги, саксы, бавары всевозможными путями, а чаще всего военной тропой устремлялись в пограничные римские провинции. С другой стороны, давно уже серьезно не воевавшая, заплывшая предательским жирком империя остро ощущала нехватку воинов и рабочих рук, а потому римские власти разрешали соседним племенам селиться в пограничных областях в качестве союзников или наемников, а крупные латифундисты охотно принимали варваров, готовых выполнять любую работу, на своих пустующих землях. То же самое происходило по всему периметру империи. В результате почти вся римская армия вплоть до высшего командного состава оказалась укомплектованной инородцами, а большая часть плодородных участков римских провинций оказалась скупленной выходцами из варварских земель. Гигантское, свержцентрализованное государство стало неуправляемым и потому было разделено императором Диоклетианом ¹⁷ между четырьмя соправителями ¹⁸. Диоклетиан, кстати сын

¹⁷ Римский император с 284 по 305 г.

¹⁸ Двое из них, носившие титул августов, управляли каждый своей половиной империи — Западной и Восточной,

вольнотруженника из Далмации¹⁹, командовал императорской лейб-гвардией и, как это не раз случалось, был провозглашен императором собственными отрядами после смерти предшественника. Во времена Диоклетиана установилась неограниченная монархия, при которой исчезли выборные республиканские учреждения, а управление империей осуществлялось ведомствами, которыми руководили чиновники, назначаемые императором. Чиновникам полагалась форма одежды, привилегии и право на пенсию по достижению определенного возраста. Кроме реформ, Диоклетиан был известен гонениями на христиан, а также тем, что, отрекшись от власти в конце концов, вернулся на родину и жил затворником в громадном дворце в Салонах²⁰, где умер от тоски, узнав о зверском убийстве жены и дочери. Констанций Хлор (Бледный), царствовавший немногим более года преемник Диоклетиана, август Запада, напротив,

и избирали себе соправителей, которым присваивался титул цезарей.

¹⁹ Местность на северо-западе Балканского полуострова.

²⁰ Современный Сплит.

прославился добрым отношением к христианам в подвластных ему Британии и Галлии, а также тем, что взял себе в наложницы хозяйку таверны — Елену, убежденную христианку, будущую святую, ставшую матерью Константина Великого²¹, которого после смерти Хлора британский контингент войск в свою очередь провозгласил августом. Константин долго воевал с соправителями: сначала лишив власти Максимиана (сына гота²² и аланки²³), он после смерти Галерия (сына иллирийского крестьянина) в союзе с Лицинием (выходцем из семьи дакийского²⁴ крестьянина) одержал победу над Максенцием (сыном Максимиана) в битве у Мильвиева моста под Римом, где его галльская конница, впервые развернув знамя с вышитым золотом крестом,

²¹ 272(?) — 337 г.г.

²² Готы — основная часть германских племен.

²³ Аланы — кочевые иранские племена, родственные сарматам. Занимали, в частности, территорию Кавказа.

²⁴ Даки — фракийский народ, объединившийся в I в. до н. э. Располагался на территории современной Румынии.

опрокинула римские алы²⁵ и утопила в Тибре императора вместе с его преторианцами²⁶, а потом, отвоевав большую часть Балкан у Лициния, успевшего, кстати, жениться на сестре Константина, пообещал жизнь бедняге, но казнил того — и стал наконец единым властителем империи! Его сыновья, Константин II, Констанций и Констант, были провозглашены цезарями и соправителями, а также назначены наследниками государственной власти. Миланским эдиктом²⁷ Константин провозгласил равноправие христианства, а по сути сделал его господствующей религией империи. Он же объявил воскресенье официальным «днем покоя». Перенеся в античный Византий свою столицу, он переименовал его в Константинополь, где окружил себя пышным императорским двором с заимствованным у восточных монархов сложным церемониалом. Несмотря на проведенные реформы, а может быть, благодаря им, империя при Константине начала

²⁵ Отряд римской конницы.

²⁶ Императорская гвардия, впервые учрежденная Августом и упраздненная Константином.

²⁷ 313 г.

окончательно разваливаться, разделившись в конце концов на Восточную и Западную и положив тем самым начало расколу христианства на православие и католицизм... Арею показалось удивительным, что еще два века после утверждения христианства продолжалось летоисчисление по Диоклетиану, пока монах Дионисий Малый, по заказу папы вычисливший дату Рождества Христова, не предложил сменить 241 год эры языческого императора Диоклетиана, гонителя христиан, на 525 год новой, христианской, эры.

Примерно в это же время на Западную Римскую империю обрушился невиданный поток варваров. Вначале масса германцев под предводительством Радагайса вторглась в Италию и осадила Флоренцию. Мобилизовав все силы, отозвав войска даже из Британии, куда начали свое вторжение англосаксы, римской армии удалось нанести поражение германцам, но вскоре бесчисленные полчища вестготов²⁸ заняли Северную Италию и подошли к Риму. Король Алларих потребовал большой выкуп, а также

²⁸ Готы, расселившиеся на западе Причерноморья в лесных районах в отличие от остготов, обособившихся в восточных степных районах.

предложил отдать ему Венецию, Норик ²⁹ и Далмацию. Император Гонорий ³⁰ отказался от предложения короля варваров и бежал в свою столицу Равенну, но распад империи продолжался: в 407 г. была оставлена Британия, в 409 вандалы, аланы, свевы вошли в Испанию, вестготы, франки, бургунды и алеманны вторглись в Галлию, а гунны в 409 — в Паннонию. В 410 г. Алларих вступил в Рим и разграбил его, что произвело на современников неизгладимое впечатление: они назвали это светопреставлением, а сторонники язычества обвинили во всех бедах христиан...

Вот как все выглядело внешне, и вот что побудило Арея отправиться в Константинополь, чтобы разобраться в истоках событий, приведших к распаду великой империи и разграблению «вечного города».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Солнечный луч, миновав угол портика, упал

²⁹ Область кельтско-иллирийских племен, приблизительно занимающая территорию современной Австрии.

³⁰ Родился в 384 г. в Константинополе, умер в 423 г. в Равенне.

на мраморный пол веранды, поднялся по тяжелой парчовой ткани скатерти и, взобравшись наконец на стол, задрожал, запутавшись в паутине узора серебряного кубка, наполненного вином.

— Полдень. Как быстро летит время, — сказала женщина, сидящая напротив Арея, и поднесла кубок к приоткрытым, чувственно изогнутым губам.

Тотчас искусственным щебетаньем механической птицы отозвались водяные часы, устроенные в зале, соседствующей с верандой. Живой соловей, виртуозно выводивший рулады в глубине сада, наоборот замолчал, будто прислушиваясь к голосу соперника, чтобы понять, насколько искусен тот.

Арей задумчиво взглянул на женщину: ему вспомнились неясные тени переплетений тел и бледные лунные блики на ее влажной коже.

— Ничего удивительного. Уже светало, когда мы уснули, — сказал он.

— Тебе показалось. На самом деле все кончилось достаточно быстро, — дразняще засмеялась она.

— Прошу тебя, не изображай из себя Мессалину³¹. Я не люблю этого, — не принял ее

³¹ Третья жена римского императора Клавдия. Одна из самых известных развратниц империи. Была казнена в 48 г. по

тона Арей.

— Ты случайно не спал с ней? — продолжала поддразнивать его женщина. Она снова подняла кубок и пригубила вино.

— К вечеру у тебя опять разболится голова, — заключил Арей.

— А ты опять снимешь мне боль. Кстати, как ты это делаешь?

Арей неопределенно пожал плечами:

— Точечный массаж. Восточная медицина...

— Понятно... Но ты так и не ответил на мой вопрос: ты спал с ней?

Арей отпил вино, глянув ей в глаза поверх края кубка.

— Она умерла примерно пятьсот лет назад, — сказал он.

— Я знаю. Но ты мне иногда кажешься гораздо старше.

— Поясни, что ты имеешь в виду, — бесстрастно спросил Арей.

Женщина покачала головой, умело уходя от неудобного вопроса:

— Нет, нет, ничего такого. — Она на секунду задумалась. — Я имею в виду твои знания и умения. Мне кажется, их нельзя приобрести и за

приказу Клавдия.

сотни лет упорного труда.

— Я как-то уж говорил тебе, что просто любопытен. Мне приходится много путешествовать, иметь дело с разными людьми; при этом я всегда узнаю что-то новое.

Глаза женщины блеснули:

— Ты бы мог быть знаменитым врачом, великим ученым или прославленным полководцем...

— А стал всего лишь торговцем зерном, извлекающим прибыль из куска хлеба насущного, — закончил ее фразу Арей. — Удивительно, как мы, ромеи³², не любим торговцев и в тоже время обожаем поесть... Хорошо поесть, изрядно выпить и поговорить при этом о чем-нибудь духовном... например, о бездуховности торговцев, мечтающих только о собственной наживе, — рассмеялся он. — Ни один уважающий себя римлянин не начал бы день со столь обильных возлияний и такого роскошного стола. Ему хватало кувшина разбавленного вина и сушеных фруктов, а рабочим людям — миски полбенной каши до самого вечера. А мы даже способ приема пищи придумали новый — сидя за столом, — чтобы

³² Самоназвание жителей Восточной римской империи, что значит «римляне».

можно было больше и быстрее съесть. При этом половина пищи попадает на бороду, что совершенно уподобляет нас восточным варварам. Несмотря на пример Константина, мы никак не можем отказаться от этого совершенно лишнего аксессуара мужской доблести, хотя у многих ромейских аристократов в бороде так и кишат насекомые.

— По-моему, римляне тоже носили бороды...

— С времен Александра Македонского³³ ни греки, ни римляне не носили бороды, пока неженка Адриан³⁴ не завел ее, чтобы хоть этим отличаться от женщины.

— Ты типичный «западник», — сказала женщина. — Мы едим за столом, потому что лежать гораздо удобнее заниматься любовью, чем едой. И уж конечно, лучше хорошенько поесть утром, чем наедаться вечером, а потом с помощью птичьих перьев вызывать рвоту, чтобы целую ночь не мучиться кошмарами из-за переполненного желудка. Кстати, рекомендую тебе вот эту фазанью

³³ 356–323 г.г. до н. э.

³⁴ Римский император (76–138 г.г.), отказавшийся от завоевательной политики и активно возводивший оборонительные валы на границах империи.

ножку, — она кивнула на керамическое блюдо с двойным дном, в глубине которого тлели угли, не давая остыть фазану, запеченному в тесте. — Что касается торговцев, то, согласишься, многие из них не заслуживают любви благодаря своей алчности, хотя на тебя, должна сказать, это замечание не распространяется.

Аррей иронично хмыкнул и продолжил нарочито брюзгливым тоном:

— Плотно наевшись, мы облачаемся в свои одежды и пытаемся что-то делать, но напрасно, потому что после такого чревоугодия естественней всего сбросить эти многочисленные туники ³⁵, варварские штаны и опять улечься в постель, чтобы дать спокойнее перевариться пище.

— Видишь, ты опять говоришь так, будто всю жизнь носил римскую тогу, а теперь вынужден надевать византийские штаны. Как хочешь, но ты не перестаешь меня удивлять...

Они помолчали, потягивая вино и глядя на панораму Константинополя, расстилающегося под

³⁵ На нижнюю тунику с длинными, сильно сужающимися книзу рукавами, ромеями надевалась вторая — с расшитыми укороченными рукавами, и третья — без рукавов, сплошь расшитая. Эти туники служат прообразом многослойной европейской одежды и многочисленных форм костюмов разных времен.

ними. При этом Арей не мог не сравнивать его с Римом, который строился на его глазах, начиная с проведения городской черты. Сто лет тому назад, когда Арей впервые увидел Константинополь, этот город уже имел достаточно длинную историю. Согласно одной из легенд несчастная возлюбленная Зевса, Ио, обращенная Герой в корову, нашла себе приют в окрестностях бухты Золотой Рог, где и произвела на свет дочь, которая в свою очередь родила от Посейдонова сына Византа, — он-то и стал легендарным основателем города. На самом деле Византий был всего лишь обычным греческим полисом, удачно основанным на берегу пролива Босфор³⁶, соединяющим Пропонтиду³⁷ с Понтом Эвксинским ³⁸ . Благодаря взимаемой с многочисленных кораблей плате за проход через пролив, город быстро развивался и еще во времена Константина выплеснулся через край старых стен Византия и раздвинул их тройное кольцо с девяносто шестью башнями и семью воротами далеко на запад, вдоль Золотого рога. Будто спеша

³⁶ С греческого — «Бычий брод».

³⁷ Мраморное море.

³⁸ Черное море.

куда-то, он захватывал все новые и новые участки, не успевая при этом полностью осваивать уже имеющиеся земли. Отсюда, сверху, Арею хорошо были видны сады, виноградники и хлебные поля, расположенные в пределах города и даже непосредственно возле императорского дворца. Так вот, сравнивая Константинополь с Римом, Арей представлял себе «вечный город» красивым, разумным, сильным мужчиной в расцвете лет, облаченным в строгую сенаторскую тогу, а «город Константина» — шаловливым подростком с ангельским лицом, бесенятами в глазах, перепачканными руками и многообещающим началом жизни, которая вся еще была впереди. В самом деле, свойственная восточной архитектуре прихотливая путаница узких улочек и переулков Константинополя сильно отличалась от строгой планировки центральных улиц и площадей Рима, таких например, как императорские форумы. «Вечный город» удивлял приезжих обилием воды: бегущей в Тибре, в ручьях и источниках, берущих свое начало среди окрестных холмов, издалека приносимой акведуками, — зато «город Константина» поражал обилием грязи и нечистот, чему способствовал недостаток пресной воды, которую приходилось собирать даже в специально устроенные подземные цистерны. И все же этот город, вольготно раскинувшийся на каменистых

берегах Золотого рога, был прекрасен: скопления тесно застроенных двух- пятиэтажных, крытых красной черепицей, сложенных из плоского кирпича домов, чередующиеся с открытыми пространствами холмов с возведенными на вершинах дворцами, отороченными античной колоннадой, Святая София за ничтожно малые пять лет вознесшая свой купол и затмившая римский собор Святого Петра, гигантский Ипподром, способный вместить людей больше, чем Колизей, и, конечно, море, во всем своем блистающем великолепии неожиданно открывавшееся прохожему, ступившему за угол извилистой улочки, — чем Рим, понятное дело, похвастать не мог.

— Согласись, ты тоже странная женщина, — нарушил молчание Арей. — Вот несколько простых вопросов. Где твой муж? Он постоянно пребывает то в Египте, то в Сирии, то в Армении, то в Иберии³⁹, то на Кипре, то на Родосе. Я, конечно, понимаю важность государственных дел, но ведь иногда нужно уделять внимание и своей жене, не так ли? Сколько тебе лет? Ты утверждаешь, что «едва за тридцать», но я точно знаю, что некоторые события, о которых ты иной раз рассказываешь

³⁹ Государство на территории современной Грузии.

настолько красноречиво, что, несомненно, была их свидетелем, произошли не менее сотни лет назад. Извини, наконец, где источник твоих доходов? Я уверен, ты одна из богатейших женщин Византии, но не пошевелила и пальцем, чтобы добиться этого.

И вновь раздался ее дразнящий смех. Когда она смеялась, обнажая необычно белые для земных женщин, без единой щербинки зубы, ее лицо неожиданно преображалось, приобретая черты эдакой девчачьей непосредственности, что превращало его совершенную красоту в красоту неотразимую — для мужчин такая красота гораздо более привлекательна, — и похоже, она знала об этом обстоятельстве, умело им пользуясь.

— Вопрос о муже — из числа запретных для любовника. По крайней мере, пока женщина сама не захочет рассказать о нем. А если уж захочет, то поверь: это верный признак того, что любовь закончилась. Вот я, например, никогда не спрашивала тебя о твоей супруге. — Арей вынужден был ответить, хоть и не любил оправдываться, — ей, мол, хорошо известно, что он не женат. — Вопрос о возрасте женщины — неприличен, — продолжала она. — А о моем — к тому же еще и глуп. Неужели ты можешь полагать, что мне перевалило за сто? Вряд ли я на столько выгляжу. — Арей сокрушенно развел руками, признавая ее очевидную правоту. — И наконец,

интересоваться источниками доходов кого бы то ни было — просто верх неприличия, — обличающим голосом судебного обвинителя закончила она.

— Все верно. Ты, как обычно, все расставила по местам. Каждый пузырек — на свое место. — Арей кивнул в сторону ее будуара, где они провели ночь и где на столике у зеркала строго по ранжиру выстроилось не менее центурии ⁴⁰ пузырьков различной величины и формы. — Послушай, Елена, сколько лет мы с тобой знакомы?

— Лет десять уже, — удивленно ответила женщина: они с Андреем редко называли друг друга по имени.

— Так вот, тогда, двадцать лет назад, ты тоже говорила, что тебе «едва за тридцать», — напомнил он...

* * *

Их знакомство было довольно романтическим. Арей спас ее от ватаги разбойников, напавших на ее немногочисленный отряд, состоящий из нескольких вооруженных слуг, передвигавшихся верхом на мулах. Что она делала тем вечером на пустынной дороге в своей роскошной, похожей на римскую

⁴⁰ Около ста римских воинов.

карруку ⁴¹ повозке в часе езды от Константинополя, Арей так и не понял. «Тебя ожидала», — улыбалась она, когда он интересовался этим. Арей не разделял ее веселья: на дорогах было беспокойно. Он и себя-то не чувствовал в безопасности на лесной или проходящей горным ущельем дороге, где легко было устроить засаду: метко пущенная стрела могла оборвать бессмертие так же легко, как жизнь обыкновенного человека. Чтобы излишне не рисковать, Арей в особо опасных случаях надевал свой непробиваемый плащ, но энергетическим облаком уже никогда не пользовался, решив однажды, что, раз остался на Земле, с людьми, то должен стараться вести себя, как человек, ничем не выделяясь среди них. И даже для передвижения он теперь не использовал облако, хотя его поездки бывали достаточно далеки и длительны: а куда ему было спешить? Напротив, он полюбил неспешную езду верхом на муле или лежа на мягких подушках крытого экипажа, а то и ходьбу пешком, рядом с тяжелогруженной повозкой, влекомой парой волов. При этом можно было хорошенько подумать,

⁴¹ Четырехколесная дорожная карета с высоким кузовом, где во время поездки можно было удобно устроиться и даже выспаться.

многое увидеть, поговорить с попутчиком, среди которых иной раз попадались люди неординарные. Скрип колес, спокойное дыхание навьюченных животных, негромкий обстоятельный разговор, медленно меняющийся пейзаж, палящее солнце, промозглый осенний дождь — вот антураж путешествий, который он теперь полюбил и которому отдавал предпочтение, несмотря на некоторую опасность и немалые тяготы, присущие подобному методу перемещения в пространстве. В дневное время движение на дорогах Византии было оживленным: караваны иноземных и константинопольских купцов двигались навстречу друг другу, явственно демонстрируя процветание торговли, постоянное перемещение крупных военных отрядов красноречиво свидетельствовало о непрекращающейся борьбе за восстановление пределов империи, многочисленные строительные артели, спешившие в столицу, служили лучшим доказательством начавшегося строительного бума. Но попадались и другие люди: отчаявшиеся, озлобленные, измученные борьбой с постоянно растущими податями, лишенные дома и самой возможности привычного образа жизни. В империи все чаще вспыхивали восстания, что Арею сильно напоминало ситуацию, создавшуюся в Риме перед закатом его могущества. Централизация государственной власти в Византии достигла своего

апогея, а ее носителем был император, наделенный священными функциями. Его статуи обожествлялись, а сам он появлялся на торжественных приемах в тяжелых, покрытых золотыми узорами одеждах, в шапке, увенчанной крестом ⁴². В его руках сосредоточилась вся законодательная и исполнительная власть, осуществлявшаяся четко функционирующим государственным аппаратом — финансовой системой, налоговой службой, тайной полицией, — чиновники которого подчинялись строго соблюдаемой табели о рангах. Противовеса неограниченной власти императора не существовало, но он вынужден был считаться с такими силами, как церковь, армия, жители столицы. С учетом того, что в империи не было определенного законом порядка престолонаследия, две последние силы приобретали особенно важную роль, когда власть захватывалась военачальником. В случае мирного развития событий престол от императора передавался сыну, хотя в большинстве случаев в борьбе за власть использовалось насилие. Вследствие такого государственного устройства

⁴² Ближайшим аналогом этих одежд являются торжественные убранства современных православных иерархов.

при константинопольском дворе процветали лесть и коррупция, а в политической борьбе лучшими средствами считались яд и шелковая удавка. Внешняя политика Константинополя осуществлялась с помощью таких «дипломатических средств», как подкуп, сложные интриги, откровенные силовые акции. Все это оправдывалось мессианской идеей приобщения других народов к духовным ценностям Византии. В то же время государство сконцентрировало в своих руках огромную земельную собственность, монополизировало изготовление оружия и обмундирования для армии, предметов роскоши для императора и его двора, держало многочисленную рать государственных рабов. Свободное население платило налоги, а также выполняло множество различных повинностей в пользу государства, как, например, строительство крепостей и дорог или прием войск на постой. Процветание Константинополя, его помпезные стройки были куплены ценой обнищания людей, которым не оставалось ничего иного, как бежать к варварам, заниматься разбоем на дорогах или собираться в протестующие толпы, готовые на все. Арей знал, что совсем недавно, в 532 году, на Ипподроме в Юстиниана⁴³ бросали камни, потом

⁴³ Византийский император (527–565), стремившийся к

горела столица, полыхал императорский дворец, а сам император, говорят, уже собрался бежать через Босфор, но его остановила умная и властная жена Феодора, настоявшая на немедленном подавлении бунта. И бунт подавили, подкупив вождей восстания, в результате чего на Ипподром, где день и ночь митинговали безоружные повстанцы, тайно проникли чужеземные наемники и, хохоча от радостного возбуждения, перебили примерно тридцать тысяч человек. «В чем дело? — думал Арей. — Неужели история ничему не учит правителей? Почему они постоянно совершают одни и те же ошибки?» Ему вспомнился Рим и письмо Фасция Цецилия Киприана ⁴⁴, будто предсказывавшего в нем собственную ужасную смерть: «Смотри — дороги заняты разбойниками, моря заперты пиратами, всюду война, лагеря, кровавые ужасы. Весь мир орошен взаимно проливаемой кровью, и человекоубийство считается преступлением, только если его совершают отдельные лица, если же оно

экономической и политической стабилизации государства, а также к восстановлению Римской империи в ее прежних границах.

⁴⁴ Епископ христианской общины в Карфагене. Был казнен в 256 г. во время гонений на христиан.

осуществляется публично, то считается доблестью. Бзнаказанность за проступки обеспечивается не отсутствием виновности, а чудовищностью злодеяния...

...Невиновность не ограждается даже в том самом месте, где ее полагается защищать. Взаимные раздоры разгораются до неистовства, нет мира и среди тог, и форум оглашается криками вражды...

...Кто же оградит от всего этого? Патрон? Но он вероломен, и обманщик. Судья? Но он торгует своими приговорами. Кто поставлен для пресечения преступлений, тот сам их допускает, и, чтобы погубить невинного обвиняемого, сам судья становится виновным.

Нет никакого страха перед законами, никакого уважения ни к следователю, ни к судье. Что продажно, то не внушает страха...»

Аррей понимал, что его снова подводит «духовная составляющая». С немалой надеждой он следил за становлением нового учения, всячески помогая двенадцати посланцам⁴⁵ вознести тяжкую ношу любви крутыми лестницами человеческого жилья и затем втиснуть ее в узкие двери многокомнатной обители, переполненной

⁴⁵ «Посланец» — по-гречески «апостол».

враждующими соседями. Все еще на что-то надеясь, он наблюдал, как в те же двери протиснулась церковь и попыталась по-своему навести порядок в разбухающем от ненависти доме. Он и тут предложил свою помощь, но наткнулся на злобно захлопнувшуюся дверь. Арей настаивал, чувствуя ответственность за происходящее, но из-за двери раздавалось лишь глухое: «Кто ты такой?» — а если он называл себя и пытался в доказательство продемонстрировать кое-какие свои способности, дверь со стуком распахивалась, его обвиняли в ереси, колдовстве и отправляли на дыбу или на костер, распинали, забивали камнями, сажали в каменный мешок или в деревянный поруб⁴⁶ в зависимости от вкуса разгневанных хозяев. Все это было достаточно опасно, по крайней мере, неприятно, и он оставил свои мазохистские попытки выяснять отношения с церковью, отдавая предпочтение путешествиям и знакомствам с обычными людьми.

А путешествовал Арей много — и вот почему. Во-первых, как уже говорилось, ему нравилась кочевая жизнь. Во-вторых, он оставался историком и не терял надежды, как и любой ученый, когда-нибудь «сесть» и написать свой главный

⁴⁶ Тюрьма у славян.